

— Ой-ёй! Дождик пошёл, дождик!

— Ха-ха! Дядя Бэйшэн, спаси-и-ите! Старший брат меня водой обливает! — Чжэньчжэнь с хохотом улепётывала прочь, звонко призывая на помощь младшего дядю.

Бэйшэн изловчился и прижал к воде извивающегося ужом Чэнху. Какое-то время они шумно барахтались на мелководье, поднимая тучи брызг, пока к ним не подобрался Шитоу. Этот сорванец улучил момент и разом стянул с Чэнху мокрые трусишки. Мальчишка истошно завопил, зажав ладошками срамные места и спереди, и сзади. Куда уж тут было брызгаться в стоящую на берегу сестру — уберечь бы остатки достоинства!

К ним лениво подплыл Чэншань.

— Дядя Бэйшэн, прокати! Но-о, поехали!

— Ещё чего, — отрезал тот.

Шестилетний малец весил уже прилично, и даже в воде удерживать его на плечах было делом непростым. Чэншань просто привык резвиться в домашнем бассейне, где старший брат или телохранители частенько катали его на закорках, словно на лошадке, под залиvistые крики «но-о, но-о!».

Бэйшэн окинул взглядом собственные худощавые плечи и решил, что у него спина не казённая.

— Слушай, Бэйшэн, а в столице учиться интересно? — любопытствовал Шитоу.

Остальные ребята тоже притихли, подбираясь поближе, чтобы послушать. Вода приятно холодила разгорячённые тела, а раскидистая крона старого дерева у берега надёжно укрывала их от палящего зноя.

Бэйшэн лишь вздохнул.

«И кому вообще придёт в голову назвать учёбу весёлым делом?»

— Да нормально, ничего такого, — пожал он плечами.

В грядущем сентябре Шитоу предстояло пойти в восьмой класс, тогда как Бэйшэн уже переходил в выпускной девятый. Дома отец то и дело ставил Бэйшэна в пример, нахваливая его успехи. Сам Шитоу звёзд с неба в учёбе не хватал, поэтому к круглым отличникам питал чувства весьма противоречивые. Будь на месте Бэйшэна кто-то другой, он бы и разговаривать не стал. Но Бэйшэн — дело иное, всё-таки родня.

К тому же тот недавно подарил ему крутейшего трансформера, от которого Шитоу был просто без ума.

— Предки плешь проели: «Учись да учись!» — пожаловался Шитоу. — А меня от одного взгляда на учебники в сон клонит. Не хочу я учителем быть, как они. Мечтаю стать рок-звездой, песни со сцены петь!

Бэйшэн окинул друга скептическим взглядом. Крепкий, ладный — прозвище Шитоу, то бишь «Камешек», подходило ему как нельзя лучше.

— Для этого тоже учиться надо. Придётся в консерваторию поступать. У тебя по фортепиано какой класс? Как с вокалом, с теорией музыки? Сочиняешь уже что-нибудь?

— Чего? Какой ещё класс? — вытаращил глаза Шитоу. — На пианино девчонки тренькают, а я гитару люблю! Если б мать не заартачилась, я бы давно уже закинул за плечо чехол и рванул бродяжничать. Пел бы в переходах — романтика же, круто!

— Вряд ли у тебя что-то выйдет, — остудил его пыл Бэйшэн. — В столице таких мечтателей пруд пруди. Все переходы и мосты забиты уличными музыкантами. Кому повезло больше, по барам выступают. Но у них хоть подготовка есть какая-то, а с твоими умениями ловить нечего. Тебя из-за возраста даже слушать никто не станет.

Шитоу приуныл и понурил голову.

— Ладно тебе, я же просто так... Но учиться и правда не могу, душа не лежит. Видно, талантом обделён. У отца, как мой табель видит, аж лицо темнеет. Если бы я не был на него с матерью похож как две капли воды, точно решил бы, что в роддоме подменили.

Ребята сочувственно закивали. Для деревенской детворы один вид учителя Ли нагонял священный трепет, а каково бедному Шитоу круглосуточно жить под одной крышей с таким грозным педагогом?

К детям учителей в народе всегда относились строже, чем к обычным ребятам. Стоило такому ребёнку скатиться на тройки, как по селу поползли бы шепотки: «У него ж родители педагоги, как так-то? Своего оболтуса выучить не могут, а ещё чужих детей берутся воспитывать!» Логика, конечно, кривая, но деревенские кумушки за словом в карман не полезут. Шитоу от этих разговоров было невыносимо тошно.

И ведь родители его даже не учили напрямую — они вели уроки в старших классах. Оба с высшим образованием, гордость района, а их собственный сын раз за разом заваливал экзамены.

В учительской среде соперничество вообще не затихало ни на миг. Коллеги мерились не

только успеваемостью классов, но и собственными отпрысками: у кого сколько баллов за контрольную, кто какую олимпиаду выиграл, кто на сколько сдал выпускные и в какой престижный вуз поступил. Даже когда дети вырастали, ярмарка тщеславия продолжалась: теперь в ход шли сравнения зарплат, должностей и выгодных браков.

Стоило Шитоу столкнуться в школьном коридоре с кем-то из учителей постарше, как его обязательно подначивали:

— Ну что, Ли Лэй, как успехи? Что-то не дотягиваешь ты до своего отца, ох не дотягиваешь...

А ведь его отец когда-то сам учился в этой школе, и некоторые из старых преподавателей ещё помнили его блестящие ответы у доски. Хоть сквозь землю проваливайся!

Слава богу, отец считал себя человеком интеллигентным и за плохие оценки за ремень не хватался, иначе Шитоу давно бы уже не топтал эту землю. Поворчит, нахмурится, но всё равно усадит рядом и примется разжёвывать тему. Только толку-то? Рождённый ползать летать не сможет. Как любил сокрушаться отец: «Я уже сто раз повторил, даже свинья бы поняла, а ты опять всё переврал!»

Выслушивая эти излияния, Бэйшэн лишь мысленно улыбался.

«А ведь дядя Цичжи и его домашние — на редкость душевные люди».

Пусть отец и сокрушался из-за двоек сына, по весёлому нраву Шитоу было ясно: дома его любят и не гнобят. Забитый ребёнок никогда не вырос бы таким открытым и жизнерадостным добряком.

В этот момент по тропинке вдоль речного русла показалась отара. Ветер сразу донёс характерный запах овечьей шерсти и дружное блеяние.

Чжэньчжэнь всполошилась и мигом вскочила на ноги. Глазёнки её азартно блеснули при виде пушистых ягнят, семенивших в середине стада.

— О, немой дядя вернулся! — Шитоу тоже заметил пастуха и приветливо замахал рукой человеку в широкой соломенной шляпе.

Пастуху на вид было трудно дать точный возраст: то ли под тридцать, то ли чуть за тридцать. Кожа его от постоянного пребывания на солнце стала совсем тёмной, почти бронзовой, зато улыбка сияла ослепительной белизной. Он молча махнул ребятам в ответ.

Немой дядя коротко щёлкнул кнутом, и послушное стадо тут же остановилось, рассредоточившись по берегу. Блеяние зазвучало громче, а воздух окончательно пропитался густым овечьим духом.

Закатав повыше штанины и засучив рукава, мужчина спустился к воде. Его сильные загорелые руки покрывали мелкие царапины — следы колючего кустарника. Он принялся неторопливо умываться и смывать дорожную пыль.

Чжэньчжэнь заворожённо подобралась поближе. Присев на корточки, девочка не сводила глаз с длинного кнута, которым этот человек так лихо управлялся. Никогда ещё ей не доводилось видеть настоящих пастухов, и немой дядя казался ей невероятно загадочным персонажем.

Глубокие лазурные глаза девочки ловили каждое его движение.

Немой дядя поднял голову и на мгновение растерялся, обнаружив рядом с собой очаровательную малышку с необычным взглядом. Он перевёл взгляд на речную гладь, потом снова на Чжэньчжэнь и вопросительно взглянул на Шитоу, быстро изобразив несколько жестов.

— Это моя тётя Чжэньчжэнь! — зычно пояснил Шитоу. — На каникулы к нам приехала. Дочка дяди Гоуданя!

Прозвище «дядя Гоудань» в этих краях знал любой малец. Самого его видели нечасто, но легенды о его столичных успехах ходили по деревне постоянно. Местные по старой привычке звали его детским именем, вот и Шитоу не отставал. Само собой, при отце он бы никогда не посмел так фамильярничать, но здесь, среди своих, было можно.

Лицо немого дяди озарилось пониманием. Он широко улыбнулся и уважительно поднял вверх большой палец.

Сам он был простым неграмотным бедняком, из-за немоты держался особняком, но о Ли Кае и Ван Сюане слышал постоянно. Эта пара давно стала гордостью всего посёлка Сяньгоу и окрестных деревень. Выбившись в люди и разбогатев, они не забыли родные края: если у кого-то из земляков случалась беда, всегда помогали деньгами и делом. Для деревенских они были образцом благородства.

Немой дядя искренне восхищался ими. Он был заметно моложе Ли Кая, и в детстве мог лишь издали наблюдать за этими статными, тогда ещё совсем молодыми парнями.

Почувствовав, как от этого простого человека веет теплом, Чжэньчжэнь осмелела и придвинулась ещё на полшага.

Ладони у немого дяди были мозолистыми и грубыми. Он набрал со дна пригоршню влажного речного песка и принялся усердно тереть кожу, смывая въевшуюся грязь.

Сколько он возился, столько девочка и простояла рядом, изредка оглядываясь на мирно пасущихся овец. Когда коленки от долгого сидения на корточках затекли, она просто

переступила с ноги на ногу и продолжила своё наблюдение.

Закончив с руками, пастух ополоснул ноги и шумно плеснул прохладной водой себе в лицо. Но даже тогда маленькая гостья не отвела взгляда, в котором читалось искреннее, детское любопытство.

«Он совсем не такой, как папа и отец», — подумала девочка.

С громким плеском немой дядя выбрался на берег. Чжэньчжэнь поднялась следом и, задумчиво покусывая пальчик, проводила его взглядом. Мужчина ловко взмахнул рукой — над головами овец с сухим щелчком разорвался воздух, и отара неспешно двинулась дальше по дороге.

Идти за ними девочка не решилась. Лишь когда последнее облачко пыли, поднятое копытцами, осело на придорожную траву, она вернулась под сень дерева и погрузилась в свои девичьи думы.

Тем временем из воды потянулись и остальные ребята. Купание купанием, но от долгого пребывания в реке кожа на пальцах у всех уже пошла белыми морщинками.

За целый день безумных игр Чэншань на удивление ни разу не вспомнил про родителей. Видимо, водные забавы отняли у него все силы: стоило семье поужинать, как малец засновал носом и принялся отчаянно зевать.

Когда пришло время укладываться, он притащил свою подушку с тонким одеялом и капризно заявил, что ляжет со старшим братом. Однако Чэнху делиться местом не пожелал. Тогда обиженный бедолага с надеждой уставился на младшего дядю.

— Даже не думай, — отрезали в один голос Бэйшэн и Чэнху. — Либо спи с няней, либо иди к бабушке с дедушкой.

Отвергнутого всеми Чэншаня в итоге затискал дед, Лао Сы. Он увёл внука к себе в комнату, пообещав, что у них с бабушкой спать куда интереснее.

Малыш для приличия немного подулся, но дедовские прибаутки быстро вернули ему хорошее расположение духа. Уже через минуту он весело кувыркался на просторной деревянной кровати, а ещё через пять — тихо посапывал, раскинув руки.

Лао Сы с облегчением перевёл дух. Начни этот маленький егоза плакать посреди ночи и звать родителей, у старика просто не хватило бы здоровья с ним возиться.

Ещё накануне Шитоу пообещал Бэйшэну сгонять в посёлок за рыболовными снастями.

Рано утром он примчался к дому Ли, напросился на завтрак и теперь шумно собирал компанию у ворот.

— Мелюзга остаётся дома! — по-хозяйски объявил Шитоу мелким. — Вот купим крючки, вернёмся и наловим вам рыбы. На костре зажарим — пальчики оближете!

— Я тоже поеду! — тут же взбунтовался Чэнху. — Пусть Чэншань с Чжэньчжэнь дома сидят. Дядя Бэйшэн, я сзади на багажнике у тебя усядусь!

Чжэньчжэнь тоже надулась, явно не желая оставаться в стороне. Мальчишки принялись делить места, но свободных велосипедов на всех не хватало. В итоге решили оставить дома самого маленького — Чэншаня.

Чэншань опешил.

«Это ещё почему только меня?!» — заклокотало в его маленькой голове.

Обида захлестнула малыша с головой, и он, топнув ногой, отчаянно разревелся. Мальчик ревел навзрыд, размазывая слёзы по щекам и причитая, что старшие сговорились его бросить:

— Я всё папе расскажу! Вы злые, только и делаете, что обижаете меня! А-а-а!..

От неистового плача у него на носу даже надулся смешной пузырь.

Сердце Лао Сы при виде плачущего внука облилось кровью. Чужих детей он воспитывать не мог, но уж на собственном сыне отыгрался по полной программе.

В итоге ни в чём не повинному Бэйшэну знатно влетело от разгневанного отца. Парень лишь мысленно сокрушался: ну как объяснить родителю, что на раме просто нет места? Да и силёнок у подростков не хватит тащить двоих детей по грунтовой дороге на обычных велосипедах.

В конце концов Лао Сы велел сопровождающим их телохранителям вмешаться. Старик вообще неохотно отпускал внуков на жару, но против горьких слёз Чэншаня устоять не смог. С годами его слепая любовь к детям превратилась в абсолютное потакание любым капризам нового поколения — внукам он готов был отдать всё по первому требованию.

Один из охранников — дядя Лю — сходил в кладовую и выкатил оттуда старый советский дорожный велосипед — тяжеленный, с высокой рамой и огромными колёсами. Быстро смахнув с него пыль, мужчина вызвался везти обоих младших. Только тогда мир в доме был восстановлен.

Этот дорожный «богатырь», хоть и выглядел громоздким пережитком прошлого, отличался завидной прочностью. В своё время Лао Сы берёг его как зеницу ока, так что и теперь старая машина катила мягко и надёжно. Единственная беда — для подростков такой транспорт был слишком высок и тяжёл.

Бэйшэн посадил на багажник Чжэньчжэнь, а дядя Лю устроил у себя сзади прижавшихся друг к другу братьев.

Лао Сы лично обмотал жёсткое сиденье плотной тканью, чтобы его драгоценные внуки не отбили себе мягкие места. Напоследок он несколько раз строго наказал длинноногому Чэнху держать ступни подальше от крутящихся спиц.

Шитоу с остальными ребятами тоже распределили пассажиров по багажникам. Шумная велосипедная кавалькада с весёлым гомоном сорвалась с места и покатила по пыльной дороге в сторону посёлка.

Во дворе дома Ли сияли лаком дорогие автомобили, но для ребятни машина никогда не сравнится с пьянящей свободой велосипедной прогулки. Раз уж дети так хотели крутить педали — взрослые препятствовать не стали.

У Чэншаня ещё не высохли слёзы на ресницах, а он, съехав набок в огромной дедовской соломенной шляпе, уже вовсю улюлюкал. Чэнху крепко прижимал его к себе, не давая свалиться, а малец заливался счастливым хохотом и вопил во всё горло: «Но-о, поехали!», словно и не он только что устраивал вселенский потоп из-за обиды.

— Да сиди ты смирно! — прикрикнул на него Чэнху, сердито отпихивая широкие поля его шляпы. — Твоя солома мне прямо в глаза лезет. Будешь вертеться — дядя Лю тебя посреди дороги высадит!

Чэншань обиженно надул губы, но спорить не решился и смирно притих, крепче ухватившись за раму.

<http://bllate.org/book/19654/1996902>